

Растягаев Андрей Викторович

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева,
Россия, 443086, Самара, Московское шоссе, 34
avr67@yandex.ru

Сложеникина Юлия Владимировна

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева,
Россия, 443086, Самара, Московское шоссе, 34;
Финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, 125315, Москва, Ленинградский пр., 80E
goldword@mail.ru

Нарративный потенциал июньского номера журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759)*

Для цитирования: Растягаев А. В., Сложеникина Ю. В. Нарративный потенциал июньского номера журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (2): 235–250.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.203>

Большая часть исследователей творчества А. П. Сумарокова-журналиста рассматривают писателя как сатирика. Авторы статьи предлагают иную точку зрения на проблему творческого наследия писателя. На основе анализа нарративного потенциала июньского номера «Трудолюбивой пчелы» можно взглянуть на общественную деятельность Сумарокова-издателя как на особую коммуникативную стратегию. Июньская помесечная книжка журнала соблюла тонкий баланс интимного и публичного, заданный первыми пятью номерами. Журнал претендовал на формирование публичной сферы, предложив концепцию личной и социальной идентичности. Издание Сумарокова стало совершенно новым институтом с собственной аудиторией, наряду с литературными и научными обществами, светскими салонами, публичными театрами и масонскими ложами. Статья содержит исторический комментарий и интерпретацию историко-литературного и личного контекстов июня 1759 г. Цель статьи — исследовать журнальный метатекст июньского номера «Трудолюбивой пчелы», проблематику и поэтику опубликованных в нем текстов. В статье задействована совокупность методов и подходов. Прежде всего это методы литературоведения: историко-типологический, культурно-исторический, биографический и сравнительно-исторический. Исследование показало, что сумароковский метатекстовый нарратив реализовал новую для русской литературы модель циклизации. Различные по тематике, сюжету и жанру произведения превращались в читательском восприятии в универсальное иерархически построенное смысловое пространство. На низшем, обыденном уровне читатель мог оставаться профаном, а на высшем — превращаться в герметического мудреца. Полученные научные результаты позволяют сделать вывод: журнал «Трудолюбивая пчела» Сумарокова послужил

* Статья подготовлена в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С. П. Королева за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00023 «Словарь языка журнала А. П. Сумарокова “Трудолюбивая пчела” (1759)»).

импульсом для создания большинства ежемесячных изданий не только российского, но и европейского XVIII в. В статье подчеркивается важность опыта Сумарокова как издателя и редактора для оценки его творчества в целом.

Ключевые слова: А. П. Сумароков, «Трудолюбивая пчела», нарратив, метатекст, циклизация.

Репертуар большинства книжек журнала Сумарокова — пестрая смесь текстов различной жанровой природы. Содержание июньского номера «Трудолюбивой пчелы» [ТП] (далее — ТП) не является исключением. Под одну обложку вновь попадают проза и поэзия, оригинальные произведения и переводы. В отличие от предшествующего, майского номера, где солировал издатель Сумароков, авторами публикаций являются Григорий Козицкий, Василий Тредиаковский, Иван Дмитриевский и Александр Аблесимов.

Июньская книжка состоит из девяти разделов, только семь из них озаглавлены: I. «Молитвы и псалом» (ТП. С. 323–325); IV. «Притчи» (ТП. С. 360–369); V. «Письма» (ТП. С. 363–369); VI. «Эпиграммы» (ТП. С. 369–371); VII. «Письма» (ТП. С. 371–375); VIII. «Елегии» (ТП. С. 376–381); IX. «Ода, идиллия и справка» (ТП. С. 381–384). Под разделами II и III опубликованы перевод Козицкого с греческого «Лукиана Торг жизнью» (ТП. С. 326–353) и оригинальная статья Тредиаковского «О мозаике» (ТП. С. 353–360). Некоторым произведениям данного номера ТП частично посвящены аналитические обзоры В. Г. Березиной [Березина 1960: 23–24], Т. Е. Абрамзон [Абрамзон 2015: 132–140] и М. Левитта [Левитт 2018: 76].

С точки зрения Березиной, журнал Сумарокова — первое ежемесячное издание, открывшее «сатирическое направление в русской журналистике» [Березина 1960: 6]. Поэтому в статье исследуются только тексты Сумарокова, отнесенные историком журналистики к сатире, а именно: «три притчи, десять эпиграмм и сатирическое стихотворение “Справка” (“Запрос”)» [Березина 1960: 22].

В монографии «Александр Сумароков. История страстей», вышедшей в 2015 г., Абрамзон предлагает оригинальный взгляд на все творчество выдающегося поэта, драматурга и общественного деятеля второй половины XVIII в. ТП посвящено не так много страниц: дается интерпретация названия; исследуется направление, получившее продолжение в журналах Н. И. Новикова «Трутень» и В. Г. Рубана «Трудолюбивый муравей»; содержание мартовского номера соотносится с биографией издателя, отмечается дневниковое начало в концепции журнала [Абрамзон 2015: 106, 124, 131, 141]. Из всего журнального пространства июньский номер выделен в качестве примера без особого объяснения причин. Абрамзон, используя биографический метод, сделала попытку «увидеть за разнородным содержанием и жанровым составом девяти разделов этого номера самого Сумарокова, его личность, его интересы» [Абрамзон 2015: 132].

Современный американский славист М. Левитт попытался уточнить само понятие «сатирической журналистики» применительно к ТП и справедливо поставил его в зависимость от идейного содержания, связанного с религиозно-философскими взглядами Сумарокова [Левитт 2018: 73–74]. Жанр беглого тематического обзора композиции журнала не позволил историку литературы остановиться подробно на каком бы то ни было номере ТП. В статье Левитта июньская книжка упоминается один раз применительно к публикации Тредиаковского

«О мозаике» и имплицитно при обращении к переводу Козицкого сатирического произведения Лукиана «Торг жизнью» [Левитт 2018: 76]. Данному исследованию свойствен современный западный прагматичный подход, когда важен именно контент журнала, сами публикации. В каком номере вышла та или иная статья, да и в каком журнале — по большому счету эта частность принципиального значения для ученого не имеет.

Вместе с тем другой американский литературовед Р. Вроон, исследовав первые десять сумароковских элегий, опубликованных в ТП, заметил, что уже в 1759 г. издатель журнала делал «попытки установления межтекстовых связей», его элегические циклы в пределах отдельных номеров «демонстрируют нарративный потенциал» и представляют собой единый сквозной метасюжет [Вроон 2009: 438–441]. В отношении опубликованных в ТП элегий других стихотворцев Вроон категоричен: «Какие-либо сюжетно-композиционные связи между текстами разных авторов здесь отсутствуют» [Вроон 2009: 441]. Заметим, что неочевидность синтагматических связей между публикациями одного номера еще не означает, что метатекстовый потенциал не может быть реализован на парадигматическом уровне — в синхронных и диахронных историко-литературном или биографическом контекстах.

Начинает номер раздел I. «Молитвы и псалом». Он включает в себя две молитвы: «Боже неба и земли, жалобу мою внемли...» (ТП. С. 323–324) и «К тебе, о Боже мой! Я ныне вопию...» (ТП. С. 324–325) и «Псалом CXLI» (ТП. С. 325).

Л. Ф. Луцевич, исследовав духовные стихотворения Сумарокова, пришла к выводу, что востребованность молитвенного жанра в творчестве поэта обусловлена жанровой доминантой. Молитва во все времена была самой распространенной формой богообщения. В ней «настоящее соотносится с вечным, через быт познается бытие» [Луцевич 2002: 361]. Разыскания Т. И. Афанасьевой о первых русскоязычных переводах молитв внесли ясность в вопросы, связанные с авторством, принципами отбора текстов и др. Так, «переводчик не просто переводит текст Евхология, но и приспособливает его службы и молитвы для русских нужд и обычаев... устраняет из перевода большинство константинопольских реалий и топонимов...» [Афанасьева 2016: 115]. Нужды Москвы позволили русскому переводчику рубежа XIV–XV вв. проявить некоторую самостоятельность и отойти от канонического текста. При этом авторское вмешательство переводчика сохраняло жанровую доминанту молитвы.

Молитва Сумарокова «Боже неба и земли, жалобу мою внемли...» относится к самому распространенному типу просительной молитвы:

Боже неба и земли,
Жалобу мою внемли,
И спаси меня своей сильною рукою! (ТП. С. 323).

Традиционное для богословской молитвы обращение к Богу имплицитно подразумевает уверенность просящего в том, что его жалоба будет услышана. В авторской молитве Сумарокова данный мотив отсутствует, поскольку адресант не видит возможного прекращения гонений со стороны злобных и алчных врагов. Молящийся описывает бесконечные страдания, которые не дают его душе покоя:

Я гоним без оборон,
День и ночь от всех сторон;
И душе моей уж нет ни отколь покою (ТП. С. 323).

Авторская молитва Сумарокова сохраняет религиозную топику, но при этом развитие стихотворного сюжета обусловлено лирическим «я» молящегося. Его погруженность в состояние безысходности позволяет говорить о контаминации жанра молитвы и элегии. Сначала лирический субъект Сумарокова уподобляет себя узнику:

Стражду мучуся стенья;
Все случаи на меня,
В жаркой ярости своей устремлены злобно.
Как в оковах человек,
Горько проживая век,
Мучится по всякой час, мучусь я подобно (ТП. С. 323).

Затем — кормчему, чье судно терпит бедствие в открытом море:

Во всегдашних я бедах:
Тако кормщик на водах,
Страждет, как уже в корабль грозны волны плещут (ТП. С. 324).

Спасение в реальном житейском шторме невозможно: мрак усугубляется штормом, а свет молний лишь приближает неминуемую гибель. И нет никакого маяка, способного указать спасительный путь к обетованному берегу:

И когда в полудни зрак,
Видит лишь единый мрак,
И един от молний свет, кои в мраке блещут (ТП. С. 324).

Молитва Сумарокова задает нарративный потенциал всему июньскому номеру. Метафоры узника, закованного в кандалы и осужденного на пожизненный срок, кормчего корабля, терпящего бедствие в океане, вполне передают степень безысходности автора и издателя ТП. Поэтому, по мысли Луцевич, его молитва «не ведет ни к духовному просветлению, ни к слезному умилению, характерным для жанрового канона» [Луцевич 2002: 364].

Вторая сумароковская молитва «К тебе, о Боже мой! Я ныне вопию...» также относится к просительному типу. Лирический герой, оставленный покровителем, обращается к Богу с просьбой о помощи:

К тебе, о Боже мой! Я ныне вопию,
И возвращаю днесь тебе печаль мою:
К тебе я помощи лишенный прибегаю,
И только на тебя надежду полагаю (ТП. С. 324).

В отличие от первой молитвы, где доминировало пространство лирического субъекта, погруженного в перипетии мира земного, здесь в равной степени изображен и мир горний:

Проникни небеса повсеминутный стон!
Взлетите жалобы перед небесный трон.

Создатель мой! К тебе взвожу и взор и руки:
Возри и умягчи мои несносны муки! (ТП. С. 324).

В продолжение лирического сюжета о претерпеваемых страданиях в текст молитвы проникает психологическая мотивировка обращения к Богу как к высшей инстанции:

Грущу и день и ночь, вздыхаю завсегда,
Спокойствия в себе не вижу никогда.
Вздыханием моим мучение исчисли! (ТП. С. 324).

Заявленная в первой молитве тема недостижимого покоя как торжества бытийной гармонии получает свое развитие в тексте второй молитвы в виде утраты лирическим героем спокойствия в мире обыденном.

Сближает оба текста водная метафора, общая для сумароковских молитв и типичная для религиозной топики:

Как током вод волна играет за волной,
И скорбь за скорбию играет тако мной (ТП. С. 324).

В данном случае религиозная символика водной метафоры, в полном объеме реализованная в тексте первой молитвы, упрощается обычным сравнением треволнений лирического героя с естественным чередованием морских приливов и отливов. Неслучайно В. А. Котельников считает, что стихи Сумарокова

нельзя отнести к молитвенной лирике: творческие усилия сосредоточены на версификации словесного ряда и не создают новой религиозно-языковой реальности. Литературность преобладает над церковностью, одическая декламация заглушает интимное говорение к Богу [Котельников 1995: 22].

Лирическую религиозно-философскую тональность июньского номера продолжает переложение 141-го псалма. Сумароков обращался к переложению псалмов практически в течение всего творчества. Выделяются несколько периодов особого интереса писателя к данному жанру: 1743 г. — известное в истории и теории литературы соперничество трех русских стихотворцев в переложении 143-го псалма; середина — конец 1750-х гг.; конец 1760-х — начало 1770-х гг. [Луцевич 2002: 326].

В 1750-е гг. Сумароков особенно интересовался ветхозаветными текстами. В 1755 г. он опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» переложения пяти псалмов (37, 106, 36, 51, 1), в 1756 г. — одного (70) и в ТП — пять переложений (новые — 141, 47, 150 и переработанные 51 и 143). Г. В. Вернадский однозначно увязывал появление переложений псалмов в академическом журнале с масонством Сумарокова, находя в них

...один и тот же взгляд на жизнь... она есть только тлен и суета; в смертном теле есть, однако, вечная душа, которую надо укреплять и воспитывать принципами неуклонной морали. Этою мыслью проникнуты и духовные оды (частью переложения псалмов), и нравоучительные басни. Весь строй таких мыслей, несомненно, близок философии рационалистического масонства [Вернадский 1999: 107–108].

Принадлежность к ордену вольных каменщиков, по мнению П. Н. Беркова, обусловила появление мотивов «страха смерти» и «бренности человеческой жизни» [Берков 1957: 35]. О связи православия и масонства Ю. В. Стенник писал:

...размышления о ничтожестве благ, которые несет человеку материальная жизнь, не могли не вести к поиску путей преодоления смерти, к идее бессмертия души. И здесь стоицизм масонства невольно смыкался с опорой на догматику Священного Писания, открывая братьям путь к религии [Стенник 1995: 81].

Исследуя публикации первых пяти переложений псалмов в академическом журнале 1755 г., Луцевич пришла к выводу, что последовательность опубликованных текстов нарушает одновременно и канонический порядок, и хронологию работы Сумарокова над ветхозаветными текстами. Расположение специально продумывалось. Ученый видит нарративный потенциал такой выборки и публикации текстов:

...основываясь на образах Псалтыри, поэт не просто использует их, но и едва видимой нитью связывает воедино, идя своим путем к такой интересной форме литературной композиции, как циклизация [Луцевич 2002: 327–338].

Хвалебный 141-й псалом в переложении Сумарокова начинается так:

Жаром я святым пылаю,
Глас мой к небу возсылаю:
Милосердному Владыке возвещу печаль мою,
И пред Господом молитвы сокрушенно пролию (ТП. С. 325).

Как и другие переложения, по определению Г. А. Гуковского, псалмы Сумарокова — это «лирические песни о человеке, изнемогающем под бременем жизни и ненавидящем порок» [Гуковский 1939: 168]. Псалтирь была в Древней Руси «эталонной книги» с XVI в., а ее переводчик Максим Грек — непререкаемым авторитетом [Буланин 2021: 321]. Однако в середине XVIII в. Сумароков отвергает церковнославянский перевод по причине его якобы испорченности и неточности и делает акцент на религиозно-философском содержании древних текстов. По наблюдению В. М. Живова, свободное обращение с текстами дало возможность вариативного использования «всего репертуара русских поэтических средств, в том числе метрических и строфических» [Живов 2002: 545]. Издателю ТП удалось создать самостоятельный герметически замкнутый художественный мир в пределах 12 номеров ТП. Предложив свою трактовку категории возвышенного — «простоту естества», Сумароков преодолел предложенную Ломоносовым автономию «литературного языка, не совпадающего с общеупотребительным» [Виролайнен 2019: 24].

Амбивалентное осмысление Псалтыри в новое время (как поэзии древних и как поэзии христианской) сказалось и на композиционных решениях издателя, дало возможность Сумарокову поместить под одну обложку помесечной книжки журнала самые разные тексты. Нет ничего удивительного, что после молитв и псалма следует перевод диалога Лукиана Самосатского «Торг жизнью». Греческий автор иронизирует над философией и внешностью античных мыслителей, которых выставляет на продажу Дий (Зевс). Однако Козицкий и Сумароков отсылали читателей к конкретным современным им персонам. Угрюмость, агрессивность, внешняя непривлекательность, пьянство — далеко не полный набор отрицательных характеристик античных философов вполне мог быть перенесен и на одного человека — главного оппонента Сумарокова. Например, в сатирическом изображении Диогена читатель ТП мог легко угадать особенности бытового поведения Ломоносова:

Не надобно будет тебе ни учения, ни красноречия, ни других врак. Эта самая кратчайшая дорога ко славе. Хотя ты будешь простак или кожевник, или солильщик, или плотник, или пеняжник, однако тебе не будет препятствовать, чтобы ты не был достойным удивления, есть ли только безстыден будешь и смел и хорошо научишься браниться (ТП. С. 335).

Статья Тредиаковского «О мозаике», которая идет после лукиановой сатиры, реализует весь нарративный потенциал предшествующего текста. И современники, и сам адресат точно угадали, о чем и о ком идет речь в, казалось бы, искусствоведческой статье первого российского профессора. Неизвестно, насколько намеренно автор развенчивал образ Ломоносова-мозаичника, но сам факт публикации Тредиаковского в журнале Сумарокова свидетельствовал о примирении бывших соперников за российский Парнас и о солидарной борьбе против общего теперь врага.

П. Н. Берков в монографии «Ломоносов и литературная полемика его времени (1750–1765)» воссоздал историко-литературный контекст публикации статьи «О мозаике» [Берков 1936: 243–250]. Тем не менее остановимся на основных моментах литературной борьбы, связанной с мозаикой и стеклом.

В статье Тредиаковского восстанавливается этимология самого термина «мозаика» и дается история данного вида искусства. В настоящее время никто не сомневается в ценности античной мозаики. Ей посвящены выставки в Эрмитаже, само древнее искусство продолжает изучаться [Ларионов, Фролов 2015]. Автор публикации затронул очень чувствительную тему для Ломоносова. Помимо собственно мозаики, в статье упоминается стекло. Первый раз говорится об обыденном его использовании: «Стекло вам по премногу ведомо: все, почитай, наши питейные сосуды из него, и множество других орудий и вещиц» (ТП. С. 357). Второй — о его бесполезности для современной мозаики: мастера своего дела, «презревши стекло и финифть, как вещи и дешевые для предивных работ, промышленяемых ими, начали... примешивать к самому лучшему мрамору дорогие камни» (ТП. С. 358).

Завершает Тредиаковский статью жестким вердиктом. По его мнению, живопись по своим возможностям безоговорочно превосходит мозаику: невозможно «подражать совершенно камешками и стеклышками всем красотам и приятностям, изображаемым от искусных кисточки на картине из масла...» (ТП. С. 358). Более того, мозаики стеклянные и финифтяные «более уже нигде не употребляются ныне для своей безважности» (ТП. С. 358). И в завершение статьи Тредиаковский указывает на преимущество «живописи, производимой малеванием», перед «Мозаичной живописью» (ТП. С. 359). Несмотря на то что имя Ломоносова в статье не упоминается, для современников слово «мозаика» было метонимически связано именно с автором статьи «О пользе стекла» и трагедии «Тамира и Селим».

В начале 1750-х гг. Ломоносов, ставя химические опыты, увлекся выделкой крашеного стекла и преуспел в этом ремесле. Ему удавались практически любые оттенки всех цветов. Заинтересовавшись мозаикой, в 1752 г. он создал картину из окрашенного в подражание работе итальянского художника стекла. Расширив свое предприятие, Ломоносов приступил к реализации большого проекта — серии «мозаичных картин для украшения огромного монумента Петру I, предположенного к сооружению» [Гуковский 1939: 93]. Однако была закончена только одна мозаика — «Полтавская баталия» (1764), вторая картина — «Взятие Азова» — была

только начата. Ломоносов умер, не реализовав своего замысла, а стекольный завод, построенный в деревне Усть-Рудицы, оказался убыточным предприятием.

В 1752 г. Ломоносов, продвигая идею промышленного производства стекла, написал и опубликовал «Письмо о пользе стекла», адресовав его фавориту императрицы Елизаветы Петровны И. И. Шувалову. В 1753 г. покровитель Ломоносова добился, чтобы художник-мозаичник «получил на устройство завода большое поместье с 211 “душами” крестьян» [Гуковский 1939: 93].

Именно в 1753 г. произошла первая неприятная для Ломоносова история с мозаикой. И. П. Елагин написал пародийную афишу на его трагедию «Тамира и Селим», в которой были такие строки:

Актриса, изображающая Тамиру, будет убрана драгоценным бисером и мусиею. В сей бисер и в сию мусию чрез химию превращены Пиндаровы лирические стихи собственными руками сего великого стихотворца [Ломоносов 1891: 435].

Мозаика и «Гимн бороде» упоминаются в пародии таинственного Христофора Зубницкого 1757 г. «Переодетая борода, или Гимн пьяной голове», присланной Ломоносову и известной по спискам:

Не напрасно он дерзает;
Пользу в том свою считает,
Чтоб обманом век прожить.
Общество чтоб обольстить
Либо мозаиком ложным,
Или бисером подложным,
Иль серебро сыскав в дерме,
Хоть к ущербу всей казне [Ломоносов 1959: 1079].

Несмотря на все перипетии борьбы Ломоносова за стекло, завод был построен, производство налажено, крепостные работали, станки не простаивали. Почему статья ТрEDIAKовского в июне 1759 г. вызвала бурный гнев антагониста Сумарокова? В письме к И. И. Шувалову уже 8 июля 1759 г., сразу по прочтении свежего номера ТП, Ломоносов пишет:

В «Трудолюбивой» так называемой «Пчеле» напечатано о мозаике весьма презрительно. Сочинитель того Тр[едиаковский] совокупил свое грубое незнание с подлою злостию, чтобы моему рачению сделать помешательство. Здесь видеть можно целый комплот. Тр[едиаковский] сочинил, Сумароков принял в «Пчелу», Т[ауберт] дал напечатать без моего уведомления в той команде, где я присутствую. По сим обстоятельствам ясно видеть Ваше высокопревосходительство можете, сколько сии люди дают мне покою, не престаая повреждать мою честь и благополучие при всяком случае! Умилосердитесь надо мною, милостивый государь, свободите меня от таких нападков, которые, меня огорчая, не дают мне простираться далее в полезных и славных моих отечеству упражнениях. Никакого не желаю мщениа, но токмо всеуниженно прошу оправдан быть перед светом высочайшею конфирмациею доклады от Правительствующего Сената о украшении Петропавловской церкви, чего целый год ожидая, претерпеваю сверх моего разорения посмеяние и ругательство. Ваше сильное ходатайство может меня от всего скоро избавить и уверить меня о неременной милости, которую за особливое счастье и честь в жизни моей почитаю [Ломоносов 1957: 534].

По всей видимости, судьба ТП и была предreshена данным письмом. Ускорила конец журнала и эпиграмма Ломоносова «Злобное примирение господина Сумарокова с господином Третьяковским», написанная следом:

С Сотином — что за вздор? — Аколаст примирился!
Конечно, третий член к ним, леший, прилепился,
Дабы три фурии, втеснившись на Парнас,
Закрыли криком муз российских чистый глас.
Коль много раз театр казал насмех Сотина,
И у Аколаста он слыл всегда скотина.
Аколаст, злобствуя, всем уши раскричал,
Картавил, шепелял, качался и мигал,
Сотиновых стихов рассказывая скверность,
А ныне объявил любовь ему и верность,
Дабы Пробиновых хвалу унижить од,
Которы вознося российский чтит народ.
Чего не можешь ты начать, о зависть злая,
Но истина стоит недвижима святая.
Коль зол, коль лжив, коль подл Аколаст и Сотин,
Того не знает лишь их гордый нрав один.
Аколаст написал: «Сотин лишь врать способен», —
А ныне доказал, что сам ему подобен.
Кто быть желает нем и слушать наглых врак,
Меж самохвалами с умом прослыть дурак,
Сдружись с сей парочкой: кто хочет с ними знаться,
Тот думай, каково в крапиву испражняться [Ломоносов 1959: 659–660].

А. А. Костин высказал мнение о том, что «следует очень внимательно относиться к вопросу о возможном цензурном влиянии Ломоносова на издание “Трудолюбивой пчелы”» [Костин 2013: 112]. Исследователь пришел к выводу, что «верификация обвинений, выдвигавшихся Сумароковым в адрес Ломоносова и Академии наук в конце 1750-х гг., показывает, что вряд ли стоит доверять им в полной мере» [Костин 2013: 113]. А вот искренность Ломоносова в письме к Шувалову от 19 января 1761 г. сомнений у исследователя не вызывает: «Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мне с ним не знаться» (цит. по: [Костин 2013: 113]).

В начале 1761 г. вопрос с ТП был давно уже закрыт и стал достоянием истории. Сумароков чувствовал себя проигравшим:

...ощущение утекающего сквозь пальцы драгоценного времени, наложенное на принципиальную невозможность писать ни для театра, ни для литературы, вкупе с крайней бедностью и бытовой неустроенностью — казалось бы, совершенно не оставляли равнодушному поэту, последовательно загнавшему себя и в метафизический, и во вполне реальный финансово-бытовой тупик, решительно никакого пространства для маневра [Kutuzov 2013: 147].

Ссора с Ломоносовым в присутствии Шувалова и других знатных господ — для Сумарокова знак отчаяния. Для Ломоносова — торжество победителя над поверженным и униженным соперником. Поэтому его письмо — смакование этого чувства превосходства под маской великодушия.

Процитированное письмо было впервые опубликовано в 1826 г. в журнале «Уrania» [Уrania: 39–40]. А. С. Пушкин в искренность Ломоносова не поверил, презрительные оценки Сумарокова и его деятельности отметил и перенес в «Путешествие из Москвы в Петербург»:

В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности... вот следы, оставленные Ломоносовым. <...> С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмичестве, не думает! [Пушкин 1978: 191].

Динамика литературной войны Сумарокова и Ломоносова в июне — июле 1759 г. и в начале 1761 г. совершенно различна. Публикация статьи «О мозаике» была сильным ударом не только по репутации Ломоносова, но и по его коммерческим планам. Пристрастное отношение Ломоносова к ТП, помимо прямых доказательств запрета на публикацию «Вздорных од» в сумароковском журнале, может быть косвенно подтверждено переключкой «конца Первой вздорной оды “И украси храм музы пышно мусией, бисером и златом” со статьей журнала “О мозаике”, в которой Третьяковский, выступая в союзе с Сумароковым, осмеивал увлечение Ломоносова мозаичным искусством» [Алексеева 2008: 5–6].

Серман, комментируя историю с гневными письмами Ломоносова Шувалову и М. И. Воронцову с жалобами на статью Третьяковского «О мозаике», отмечал:

Воронцов ошибся, когда уверял Ломоносова, что высказанная в «Трудолюбивой пчеле» оценка мозаичного искусства (мусии) «просвещенными людьми» не разделяется. Третьяковский буквально воспроизвел отрицательную оценку мозаики очень известного теоретика искусства первой половины 18 века аббата Дюбоса в его книге «Критические размышления о поэзии и живописи» [Серман 1996: 412].

Исследователь предположил, что, может быть, «Ломоносов знал, на кого ссылается Третьяковский, и потому еще так разгневался?» [Серман 1996: 412].

Одно не вызывает сомнений: с самого начала издания ТП Ломоносов пристально следил за выходом каждого номера журнала. Об этом знал Сумароков, поэтому скрытая полемика с оппонентом превращала каждый номер журнала в метатекст. Только степень посвященности читателя в перипетии литературной войны, переросшей в личную неприязнь, позволяла реализовать нарративный потенциал публикаций в понятный современникам метасюжет.

В отличие от «Мозаики», следующие за ней три притчи Сумарокова «Кокушка», «Секретарь и Соперники», «Пахарь и Обезьяна» не были восприняты Ломоносовым на свой счет. Однако данные иносказания представляют собой антиломоносовский мини-цикл. Опубликованные одна за другой, притчи обладают нарративным потенциалом, т. е. способностью на уровне метасюжета рассказать собственную историю, помимо известных фабул. Возможность прочтения данных притч как цикла зависит от степени погружения читателя в историко-литературный контекст середины XVIII в. И, напротив, вырванные из журнального метатекста, помещенные в различные антологии и сборники, тексты притч утрачивают

изначальный нарративный потенциал и распределяются по тематике и проблематике исходных фабул.

Разделы V и VII июньской книжки озаглавлены «Письма». Данная рубрика была начата Сумароковым в майском номере журнала и продолжена в последующих. Публикация нравоучительных текстов — сверхзадача для издателя ТП. Именно таким образом он пытается воздействовать на читателя журнала, постепенно вырабатывая у него трудолюбие пчелы. В июне опубликованы письма: «О достоинстве», «Четыре ответа», «Об остроумном слове», «О чтении романов». Сумароков трансформирует традиционный жанр: наследовав его доминанту, превращает письмо-послание в акт творческого подражания Горацию, Сенеке, Петрарке, Дж. Аддисону и Ю.-Т. Оксеншерне. Сумароков следует множеству лучших образцов, собирая их мед — идеи и топосы — в собственный улей. В основу неповторимого идиостиля писателя положено остроумие не только в словах, но и в мыслях [Сложеникина, Растягаев 2021: 118].

Как это принято в ТП, рядом с серьезными текстами помещены и низкие жанры. В июньском номере опубликованы десять эпиграмм: «Ты будущей себя женою утешаешь...», «Кто в чем когда нибудь молвою возвышен...», «Преподлый суевер от разума бежит...», «Пожалуй не зови меня безверным боле...», «Судьи приказных дел у нас не помечали...», «Когда любезный муж со мною ты простился...», «Что скоро родила тебе по свадьбе сына...», «Я друга твоего люблю зрак твой любя...», «Посекла до крови я сына очень больно...», «Не многое число друзей собрать умеет...».

Подавляющее большинство эпиграмм посвящено еще одной важной для Сумарокова личной теме, которую Т. Е. Абрамзон и А. В. Петров назвали «женским метатекстом» ТП [Абрамзон, Петров 2018]. Известно, что около 1759 г. первая жена Сумарокова оставила его [Абрамзон 2015: 106]. После этого начинается долгий бракоразводный процесс. Весь 1759 г. на страницах ТП печатаются элегии и эпиграммы Сумарокова, представляющие собой мини-циклы решения этой интимной темы в высоком и низком вариантах. Первая элегия — в марте, за подписью Катерина Сумарокова, первая подборка эпиграмм — май [Растягаев, Сложеникина 2021]. В июньском номере журнала Сумароков печатает две элегии: одно стихотворение Ивана Дмитриевского, второе — Александра Аблесимова. Оба сюжета, как и положено элегии, посвящены разлуке, последней встрече возлюбленных, которых разъединяет злой рок. Однако жанровая топика рифмуется с перипетиями личной жизни издателя ТП и дополняет «женский метатекст» произведениями других авторов.

Единственная эпиграмма, которая не вписывается в парадигму текстов о неверных женах или лицемерах, сделавших карьеру, — «Судьи приказных дел у нас не помечали...». Он принадлежит, пожалуй, самому известному и изученному метатексту ТП — характеру подьячего. Приверженность Сумарокова одной и той же теме в серии журнальных публикаций позволяет рассматривать характер подьячего не только на уровне проблематики. На уровне поэтики данный сквозной характер способствует образованию журнального метатекста. Сквозной характер подьячего придает ансамблевой дискретности всего журнала кумулятивную целостность. Продолжая традиции Теофраста, Дж. Чосера, Дж. Холла, Т. Фуллера и прямых своих предшественников в журналистике Р. Стила и Дж. Аддисона, Сумароков переводит риторику прозаических публикаций и поэтику разножанровых

стихотворений в разряд авторского и издательского литературного мышления, которое задает «Трудолюбивой пчеле» метатекстовую коммуникативную стратегию. В июньском номере к названному метатексту примыкает текст «Справка» [Растягаев, Сложеникина 2020: 215].

Таким образом, можно утверждать, что июньская книжка ТП, как и весь сумароковский журнал в целом, представляет собой новую для русской словесности XVIII в. литературную форму метатекстового издания — его ансамблевую модель. В 1924 г. в статье «Журнал как литературная форма» В. Шкловский замечал, что издание журнала большим писателем — «это не столько потребность остаться со своим читателем наедине... сколько интерес к журналу, осознанному как литературная форма»; одновременно такой «журнал заменял собой библиотеку» [Шкловский 2000: 384–386]. По мысли В. И. Тютюпы, «в художественных нарративах, да и в большинстве прочих, картина мира концентрируется вокруг персонажа (или системы персонажей)» [Тютюпа 2020: 39]. Этим ученый объясняет внимание к нарративной идентичности участников повествуемых событий. Когда издателем и автором ежемесячного журнала становится писатель первого ряда, то коммуникативная стратегия и нарративный потенциал издания напрямую связаны с перцептивной точкой зрения одной творческой личности. Издатель-редактор в буквальном смысле дирижирует коллективом единомышленников — авторами журнала. Степень востребованности нарративного потенциала опубликованного контента зависит от глубины погружения читателя в историко-литературный контекст журнала в его синхронии и диахронии.

Источники

- Ломоносов 1891 — *Сочинения М. В. Ломоносова*. С объясн. примеч. [и предисл.] акад. М. И. Сухомлинова. В 8 т. Т. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, 1891.
- Ломоносов 1957 — Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
- Ломоносов 1959 — Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
- Пушкин 1978 — Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*: В 10 т. Т. 7. 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.
- ТП — *Трудолюбивая пчела*. СПб.: Тип. Акад. наук, 1759. Генварь–[декабрь].
- Урания — *Урания. Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности*. Гольц Т. М., Гришунин А. Л. (подгот.). Сер.: Литературные памятники / РАН. М.: Наука, 1998.

Справочная литература

- Гуковский 1939 — Гуковский Г. А. *Русская литература XVIII века*: учеб. для высш. учеб. заведений. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939.

Литература

- Абрамзон 2015 — Абрамзон Т. Е. *Александр Сумароков. История страстей*. М.: ОГИ, 2015.
- Абрамзон, Петров 2018 — Абрамзон Т. Е., Петров А. В. Женский метатекст в журнале А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела». *Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2018, 160 (1): 29–41.

- Алексеева 2008 — Алексеева Н.Ю. Вздорные оды А.П.Сумарокова в их отношении к его торжественным одам. В сб.: *XVIII век*. Сб. 25. СПб.: Наука, 2008. С. 5–25.
- Афанасьева 2016 — Афанасьева Т.И. Русские переводы конца XIV в. *Труды института русского языка им. В.В.Виноградова*. 2016, (9): 107–122.
- Березина 1960 — Березина В.Г. Журнал А.П.Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759). В сб. *Вопросы журналистики*: сб. ст. Вып. 2, кн. II. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. С. 3–37.
- Берков 1936 — Берков П.Н. *Ломоносов и литературная полемика его времени (1750–1765)*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936.
- Берков 1957 — Берков П.Н. Жизненный и литературный путь А.П.Сумарокова. В кн.: Сумароков А.П. *Избранные произведения*. Л.: Советский писатель, 1957. С. 5–48.
- Буланин 2021 — Буланин Д.М. Славяно-греческая Псалтирь 1552 года среди интерлинейрных переводов XV–XVI веков. Рец. на кн.: *Интерлинейрная славяно-греческая Псалтирь 1552 г. в переводе Максима Грека. Исследование и подготовка текста* И. В. Вернер. Москва: Индрик, 2019. 926 с. *Сибирский филологический журнал*. 2021, (4): 330–334. <https://doi.org/10.17223/18137083/77/25>
- Вернадский 1999 — Вернадский Г.В. *Русское масонство в царствование Екатерины II*. СПб.: Изд-во им. Н.И.Новикова, 1999.
- Виролайнен 2019 — Виролайнен М.Н. Антропоцентризм и космоцентризм в новой русской литературе. *Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка*. 2019, 78 (1): 20–26. <https://doi.org/10.31857/S241377150003916-0>
- Вроон 2009 — Вроон Р. «Оды торжественные» и «Елегии любовные»: история создания, композиция сборников. В кн.: Сумароков А.П. *Оды торжественные. Елегии любовные. Приложения: Редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи*. М.: ОГИ, 2009. С. 387–468.
- Живов 2002 — Живов В.М. *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Костин 2013 — Костин А. А. Отношения Ломоносова и Сумарокова в 1758–1760 гг. (Из комментариев к письмам Сумарокова). *Чтения Отдела русской литературы XVIII века*. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 107–113.
- Котельников 1995 — Котельников В. А. Язык Церкви и язык литературы. *Русская литература*. 1995, (1): 5–27.
- Ларионов, Фролов 2015 — Ларионов А. И., Фролов А. П. Размышления о мозаике из Лода. Послесловие к выставке в Эрмитаже. *Клио*. 2015, 11 (107): 80–90.
- Левитт 2018 — Левитт М. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела»: композиция и направление. В сб.: *Дар дружества и муз*: сб. в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. СПб.; М.: Альянс Архео, 2018. С. 69–77.
- Луцевич 2002 — Луцевич Л. Ф. *Псалтирь в русской поэзии*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
- Растягаев, Сложеникина 2020 — Растягаев А. В., Сложеникина Ю. В. Сатирический образ подьячего на страницах журнала А.П.Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759): от характера к метатексту. В сб.: *Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации*. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И.Лобачевского, 2020. С. 203–217.
- Растягаев, Сложеникина 2021 — Растягаев А. В., Сложеникина Ю. В. Три эпиграммы А. П. Сумарокова в майском номере журнала «Трудолюбивая пчела» (1759): историко-культурный контекст. *Сфера культуры*. 2021, 1 (3): 13–20. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2021_3_13
- Серман 1996 — Серман И.З. Два опыта комментирования. В сб.: *Новые безделки*: сб. к 60-летию В.Э.Вацура. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 411–414.
- Сложеникина, Растягаев 2021 — Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. Письмо А.П.Сумарокова «О красоте природы» (1759): традиция и новаторство. *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*. 2021, (2): 113–121.
- Стенник 1995 — Стенник Ю.В. Православие и масонство в России XVIII века: (к постановке проблемы). *Русская литература*. 1995, (1): 76–92.
- Тюпа 2020 — Тюпа В.И. На пути к исторической нарратологии. *Новый филологический вестник*. 2020, 3 (54): 32–54. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00064>

Шкловский 2000 — Шкловский В. Б. Журнал как литературная форма. В кн.: Шкловский В. *Гамбургский счет*. СПб.: Лимбус Пресс, 2000. С. 384–387.

Kutuzov 2013 — Kutuzov M. *The personal mythology of Peter III Feodorovich as deployed in Russian panegyrics of 1742, 1743, and 1762*. Edmonton: Alberta, 2013.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2022 г.

Статья рекомендована к печати 3 февраля 2023 г.

Andrei V. Rastiagaev

Samara National Research University named after academician S. P. Korolev (Samara University),
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia
avr67@yandex.ru

Iuliia V. Slozhenikina

Samara National Research University named after academician S. P. Korolev (Samara University),
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia;
Moscow University for Industry and Finance “Synergy”,
80E, Leningradskiy pr., Moscow, 125315, Russia
goldword@mail.ru

Narrative potential of the June issue of A. Sumarokov’s journal “Hardworking Bee” (1759)*

For citation: Rastiagaev A. V., Slozhenikina Iu. V. Narrative potential of the June issue of A. Sumarokov’s journal “Hardworking Bee” (1759). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (2): 235–250. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.203> (In Russian)

Most of the studies of Sumarokov’s work as a journalist regard the writer as a satirist. In contrast, this article suggests a different perspective on the problem of Sumarokov’s literary legacy. Based on the analysis of the narrative potential of the June issue of “Hardworking Bee”, the study proposes to look at the public activity of Sumarokov the publisher as a special communicative strategy. The journal began to claim the formation of a public sphere, offering its conception of personal and social identity. Sumarokov’s journal became an entirely new institution with its audience, along with literary and scientific societies, secular salons, public theatres, and Masonic lodges. The article contains historical commentary and interpretation of the historical-literary and personal contexts of June 1759. The aim of the article is to study the journal metatext of the June issue of “Hardworking Bee”, to examine the problematics and poetics of the texts published in it. The article uses methods of literary studies: historical-typological, cultural-historical, biographical and comparative-historical. The study demonstrates that Sumarokov’s metatextual narrative realized a new model of cyclization for Russian literature. At the lowest, ordinary level, the reader could remain a profane, and at the highest level the reader is turned into a hermetic wise man. We can conclude that Sumarokov’s journal “Hardworking Bee” stimulated the creation of most monthly editions not only in the Russian 18th century. The article emphasizes the importance of Sumarokov’s experience as a publisher and editor for the evaluation of his creativity in general.

Keywords: A. Sumarokov, “Hardworking Bee”, narrative, metatext, cyclization.

* The article was prepared at the Samara National Research University named after academician S. P. Korolev (Samara University) at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-28-00023 “Dictionary of the language of A. P. Sumarokov’s journal “Hardworking Bee” (1759)”).

References

- Абрамзон 2015 — Abramzon T. E. *Alexander Sumarokov. History of passions*. Moscow: OGI Publ., 2015. (In Russian)
- Абрамзон, Петров 2018 — Abramzon T. E., Petrov A. V. Female metatext in A. P. Sumarokov's journal "Trudoliubivaia pchela" ("Hardworking Bee"). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2018, 160 (1): 29–41. (In Russian)
- Алексеева 2008 — Alekseeva N. Iu. The feisty odes of A. P. Sumarokov in their relation to his solemn odes. *XVIII vek*. Vol. 25. St Petersburg: Nauka Publ., 2008. P. 5–25. (In Russian)
- Афанасьева 2016 — Afanas'eva T. I. Russian translations of the late XIV century. *Trudy instituta russkogo iazyka imeni V. V. Vinogradova*. 2016, (9): 107–122. (In Russian)
- Березина 1960 — Berezina V. G. A. P. Sumarokov's journal "Hardworking Bee" (1759). In: *Voprosy zhurnalistik*. Vol. 2, book II. Leningrad: Leningrad University Press, 1960. P. 3–37. (In Russian)
- Берков 1936 — Berkov P. N. *Lomonosov and the literary polemics of his time (1750–1765)*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk Publ., 1936. (In Russian)
- Берков 1957 — Berkov P. N. Life and literary path of A. P. Sumarokov. In: Sumarokov A. P. *Selected works*. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1957. P. 5–48. (In Russian)
- Буланин 2021 — Bulanin D. M. Slavonic-Greek Psalter of 1552 among the interlinear translations of the 15th–16th centuries. Review of the book: The Interlinear Slavic-Greek Psalter of 1552 in the translation of Maxim Grek. Research and preparation of the text by I. V. Werner. Moscow: Indric Publ., 2019. 926 p. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2021, (4): 330–334. (In Russian)
- Вернадский 1999 — Vernadskii G. V. *Russian Masonry in the reign of Catherine II*. St Petersburg: Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova Publ., 1999. (In Russian)
- Виролайнен 2019 — Virolainen M. N. Anthropocentrism and cosmocentrism in new Russian literature. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*. 2019, 78 (1): 20–26. <https://doi.org/10.31857/S241377150003916-0> (In Russian)
- Вроон 2009 — Vroon R. Ode solemn and Elegies of love: The history of creation, the composition of the collections. In: Sumarokov A. P. *Ody torzhestvennyia. Elegii liubovnyia. Prilozheniia: Redaktsii i varianty. Dopolneniia. Kommentarii. Stat'i*. Moscow: OGI Publ., 2009. P. 387–468. (In Russian)
- Живов 2002 — Zhivov V. M. *Investigations in the History and Prehistory of Russian Culture*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. (In Russian)
- Костин 2013 — Relations between Lomonosov and Sumarokov in 1758–1760 (From comments on Sumarokov's letters). *Chteniia Otdela russkoi literatury XVIII veka*. Moscow; St Petersburg: Al'ians-Arkheo Publ., 2013. P. 107–113. (In Russian)
- Котельников 1995 — Kotel'nikov V. A. The language of the church and the language of literature. *Russkaia literatura*. 1995, (1): 5–27. (In Russian)
- Ларионов, Фролов 2015 — Larionov A. I., Frolov A. P. Reflections on the mosaic from Lod. Afterword to the exhibition in the Hermitage. *Clío*. 2015, (107): 80–90. (In Russian)
- Левитт 2018 — Levitt M. Journal of A. P. Sumarokov "Hardworking Bee": Composition and Direction. In: *Dar družhestva i muz: sbornik v chest' Natal'i Dmitrievny Kochetkovo*. St Petersburg; Moscow: Al'ians Arkheo Publ., 2018. P. 69–77. (In Russian)
- Луцевич 2002 — Lutsevich L. F. *Psalter in Russian poetry*. St Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2002. (In Russian)
- Растягаев, Сложеникина 2020 — Rastiagaev A. V., Slozhenikina Iu. V. Satirical image of the scrivener on the pages of A. P. Sumarokov's magazine "Hardworking Bee" (1759): From character to metatext. In: *Natsional'nye kody v evropeiskoi literature XIX–XXI vv. Literaturnyi kanon v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii*. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo Publ., 2020. P. 203–217. (In Russian)
- Растягаев, Сложеникина 2021 — Rastiagaev A. V., Slozhenikina Iu. V. Three epigrams by A. P. Sumarokov in the May issue of "Hardworking Bee" (1759): Historical and Cultural Context. *Sfera kul'tury*. 2021, 1 (3): 13–20. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2021_3_13 (In Russian)
- Серман 1996 — Serman I. Z. Two experiences of commentary. In: *Novye bezdelki: sbornik k 60-letiiu V. E. Vatsuro*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. C. 411–414. (In Russian)

- Сложеникина, Растягаев 2021 — Slozhenikina Iu. V., Rastiagaev A. V. A.P. Sumarokov's letter "On the Beauty of Nature" (1759): Tradition and innovation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9: Filologija*. 2021, (2): 113–121. https://doi.org10.48164/2713-301X_2021_3_13.121 (In Russian)
- Стенник 1995 — Stennik Iu. V. Orthodoxy and Masonry in Russia in the 18th century: (to the statement of the problem). *Russkaia literatura*. 1995, (1): 76–92. (In Russian)
- Тюпа 2020 — Тюпа V.I. On the way to historical narratology. *Novyi filologicheskii vestnik*. 2020, 3 (54): 32–54. (In Russian)
- Шкловский 2000 — Shklovskii V. Journal as a literary form. In: Shklovskii V. *The Gamburgskii schet*. St Petersburg: Limbus Press Publ., 2000. P. 384–387. (In Russian)
- Kutuzov 2013 — Kutuzov M. *The personal mythology of Peter III Feodorovich as deployed in Russian panegyrics of 1742, 1743, and 1762*. Edmonton: Alberta, 2013.

Received: February 25, 2022

Accepted: February 3, 2023